

Bunjak, Petar

**Литературоведческая славистика и "культурологический переворот" или
Что произошло?**

Slavica litteraria. 2016, vol. 19, iss. 2, pp. 43-48

ISSN 1212-1509 (print); ISSN 2336-4491 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/SL2016-2-4>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/136193>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Литературоведческая славистика и «культурологический переворот» или Что произошло?

Петр Буняк (Београд)

Аннотация

В наброске речь идет о сдвиге предмета изучения литературоведческой славистики в связи с масштабными переменами, произошедшими за последние десятилетия в области гуманитаристики. В особенности утверждается утрата литературой прежнего статуса в системе ценностей.

Ключевые слова

славистика; литературоведение; культурология; культурная антропология; ценности

Abstract

Slavic Literary Studies and the “Cultural Studies Overthrow”, or What Have Happened?

The outline treats the problem of the subject shift of Slavic literary studies as a result of the large-scale changes in humanities that have occurred in recent decades. It is highlighted the issue of the current loss of status in the system of values by the literature itself.

Key words

Slavic studies; literary criticism; cultural studies; cultural anthropology; values

Дискуссия о путях преодоления кризиса славистики длится, по крайней мере, с начала XXI века. В этой дискуссии превалирует убеждение, что единственно возможным выходом является сдвиг предмета изучения традиционно, филологически понимаемой славистики в сторону культурологии. Залог ее выживания и обновления усматривается, стало быть, в интердисциплинарности и открытости к новым научным практикам.

И вопрос этот чрезвычайно резко ставился в области литературоведения.¹

В настоящем обращении мы попытаемся в нескольких штрихах обрисовать обстоятельства этого спора и напомнить некоторые исторические параллели, которые помогут выяснить, что произошло с литературоведческой славистикой в недавнем прошлом.

Традиционалисты, консерваторы или, как их называет Л. Суханек, «имманентисты», «сторонники славистики, как дисциплины герметической»² – это те, кто считали, что ее содержанием должна быть собственно филология – утверждали, что ученый филолог-литературовед должен заниматься проблемами литературы (художественного текста, поэтики, системы литературных произведений и т.п.), т.к. у него нет знаний для авторитетной трактовки вопросов, входящих в поле компетенции других гуманитарных дисциплин... Ученый-славист, который согрешил против этого ограничения, по их мнению, превращается в дилетанта.

В данном отношении знаменательна полемика Матияса Фрейзе и Норберта Франца, завязавшаяся в 2000 г. на годовой конференции немецких славистов в Грейфсвальде и перешедшая на страницы журнала-ежегодника «Bulletin der Deutsche Slavistik». М. Фрейзе, противник вмешательства культурологии в славистику, утверждал, что в таком случае происходит «огромное расширение компетенций, с которым ученым не справиться».³ Поэтому, по словам М. Фрейзе, «мы станем не эрудитами, а браконьерами: „культурная“ социология [будет изучаться] без социологической методологии, „культурная“ история без методологии исторических исследований, но и, наоборот, литература будет изучаться другими дисциплинами без знаний о литературе».⁴ В свою очередь Н. Франц отстаивал мультидисциплинарность и считал, что у Фрейзе, хоть он и глубоко не прав, большая заслуга: он выявил ключевую проблему современной славистики.⁵

1 О славистическом литературоведении в свете кризиса сравнительного литературоведения мы рассказывали раньше (см. BUNJAK, Petr: *Slavistika i izučenje literature*. Slavistika 14, 2010, s. 378–390), а о месте и роли литературоведения в ареальных исследованиях обстоятельно писал И. Поспишил (см. POSPÍŠIL, Ivo: *Areal / slavistika / komparativistika*. Slavistika 14, 2010, s. 217–225).

2 См. SUCHANEK, Ljucian: *Rossijevedenje i emigrantologija. Novyje formy issledovanij i didaktiki v pol'skoj slavistike*. Novaja rusistika (special'nyj nomer: Meždunarodnaja slavistika v prošlom i nastojaščem: problemy metodologii i krizis organizacii), 2012, s. 17–21.

3 FREISE, Matthias: *Philologie und/oder Kulturwissenschaft. Ein Beitrag zur Diskussion um die Zukunft der slavistischen Literaturwissenschaft*. Bulletin der Deutsche Slavistik 7, 2001, s. 30.

4 Там же.

5 См. FRANZ, Norbert: *Philologie oder Kulturwissenschaft? Anmerkungen zu Matthias Freises Überlegungen*. Bulletin der Deutsche Slavistik 7, 2001, S. 37.

А проблема состоит в том, что собственно литературоведческая славистика начала XXI в. была неспособна возродиться при помощи одной только традиционно понимаемой филологии. Этому сильно воспрепятствовала глобализация, принесящая, прежде всего, резкие изменения в системе ценностей, что повлекло за собой очень многое, в том числе кризис гуманитарных наук и гуманитарного образования.

В своем ответе на высказанное коллегой мнение, Н. Франц опирается на модель современной славистики, представленную Карлом Эймермахером⁶ и предусматривающую четыре типа славистических исследований – в зависимости от включаемых культурологических методов и принимаемых во внимание проблем: МЫШЛЕНИЕ – ЯЗЫК – ТЕКСТ – КУЛЬТУРА.⁷ Исходя из этого, Франц подает очень наглядную диаграмму⁸:

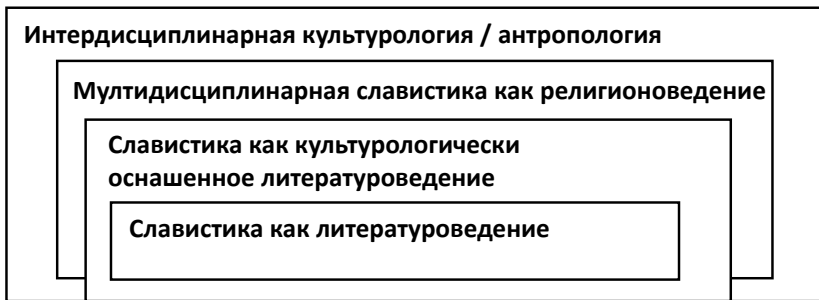

Рис. 1

Эта диаграмма не упраздняет традиционные филологические исследования, а лишь включает их в соответственные более широкие контексты. Таким образом, «славистика как литературоведение» входит в состав «славистики как культурологического литературоведения», а оба типа принадлежат к комплексной «мультидисциплинарной славистике как религионоведению»; все эти области исследований объединяет «интердисциплинарная культурология / антропология».⁹

Как бы ни были сильны сантименты к титанической эпохе славянской филологии, будущее принадлежит сторонникам расширения научного фокуса

6 См. EIMERMACHER, Karl: *Slawistik und Kulturwissenschaft in Geschichte und Gegenwart. Konsequenzen für Lehre und Forschung*. In: *Slawistik, Baltistik und Balkanologie in einem neuen Europa*. Ed. Franz Görner. Berlin: Staatsbibliothek zu Berlin, Preußischer Kulturbesitz, 2000, s. 5–15.

7 См. FRANZ, Norbert: указ. соч., s. 36.

8 Там же.

9 Отталкиваясь от той же модели Эймермахера, Б. Зелиньский развивает очень интересный, хоть и несколько утрашающий prospect славистики будущего, см. ZIELIŃSKI, Bogusław: *Kryze a cesťu k obnově současné slawistiky*. *Novaja rusistika (special'nyj nomer: Meždunarodnaja slawistika v prošlom i nastojaščem: problemy metodologii i krizis organizacij)*, 2012, s. 69.

славистики и привлечения других гуманитарных дисциплин. Их, следуя логике Л. Суханека, можно было бы назвать «трансцендентистами».

Из перспективы уже свершившегося факта, т.е. ушедших в историю споров «имманентистов» и «трансцендентистов», кажется нелишним отметить одно весьма важное обстоятельство. «Имманентисты» в этих спорах теряли из виду, что «нововведения», против которых они иногда упрямо возражали, не так уж и новы.

Разве, например, позитивисты XIX в. не выходили за пределы текста, стараясь его объяснить? Разве теория *расы, среды и момента* Ипполита Тэна в применении к литературе не содержит ряд предпосылок сегодняшних литературоведов-культурологов? Разве Тэн и его последователи не указывали на необходимость учитывать при разборе произведения менталитет, идеологию, психологию, историю, культуру, общественные условия, чувство идентичности? Во второй половине XIX в. это вполне могло казаться «разрушительным» по отношению к традиционной филологии т.к. исследовательский фокус явно кочевал из нее в пределы множества соседствующих гуманитарных дисциплин.

Впрочем, рассматривая понятие истории литературы, во *Введении в историческую поэтику* Веселовский в свое время также употребил «охотничью» метафору: в историю литературы, что-то вроде «*res nullius*», «заходят охотиться историк культуры и эстетик, эрудит и исследователь общественных идей», а «каждый выносит из нее то, что может, по способностям и воззрениям, с той же этикеткой на товаре или добыче, далеко не одинаковой по содержанию»... Таким образом, из сферы литературы черпали и другие дисциплины, причем вполне закономерно, потому что – отмечает дальше Веселовский – «история мысли более широкое понятие», тогда как «литература ее частичное проявление».¹⁰

Когда в XX веке исследовательское внимание стало возвращаться к литературному тексту как эстетическому факту, требовалось определить «полномочия» литературоведения как дисциплины. «Предметом науки о литературе», писал Р. О. Якобсон, «является не литература, а литературность, т.е. то, что делает данное произведение литературным произведением». Этот его известнейший программный постулат из «наброска» о Хлебникове требовал, как известно, радикального поворота в научной практике: «...до сих пор историки литературы преимущественно уподоблялись полиции, которая, имея целью арестовать определенное лицо, захватила бы на всякий случай всех и все, что находилось в квартире, а также случайно проходивших по улице мимо. Так и историкам литературы все шло на потребу: быт, психология, политика, философия. Вместо науки о литературе создавался конгломерат доморощенных дисциплин. Как бы забывалось, что эти статьи отходят к соответствующим наукам – истории философии, истории культуры, психологии и т.д. – и что последние могут, естественно, использовать литературные памятники как дефектные, второсортные документы.»¹¹

10 VESELOVSKIJ, A. N.: *Izvedenija v istoričeskiju poetiku*. In: VESELOVSKIJ, A. N.: *Istoričeskaja poetika*. Ėd. V. M. Žirmunskij. Leningrad: Chudožestvennaja literatura, 1940, s. 53.

11 JAKOBSON, R. O.: *Novejšaja russkaja poezija*. In: JAKOBSON, R. O.: *Raboty po poetike*. Ėd. M. L. Gasparov. Moskva: Progress, 1987, s. 275.

Но то, что в конце XX и начале XXI века действительно было новинкой, а что, разумеется, касается не одной только славистики, – это факт, что в культурологически обоснованных гуманитарных исследованиях, пришедших на смену традиционному литературоведению, стало маргинализироваться (вплоть до полной отмены) эксклюзивное до тех пор в аксиологическом смысле положение самой *литературы*. По словам И. Поспишила, пристально изучающего вопрос ценностей в литературе и литературоведении, «...кризис литературной ценности, расшатывание, распыление, расфокусировка, затуманивание иерархии ценностей, в свою очередь, могут стать лакмусовой бумажкой для масштабных общественных перемен, а зачастую и предвосхищают их».¹²

Если переход от позитивистского «интегрализма» к формалистскому «партикуляризму» в литературоведении рассматривать на фоне всего XX века, то окажется, что он как раз и был началом – воспользуемся формулировкой опять же И. Поспишила¹³ – «цепной реакции», результатом которой является его актуальное состояние. Сама же эта цепная реакция представляла собой чередование различных научных парадигм, причем новые шаги к выходу за пределы литературного текста служили уже не для объяснения его самого, а его места и значения для тех или иных систем высшего порядка – в зависимости от того, что данная парадигма выбрала своей исследовательской целью.

А именно, произошла как раз замена старой модели славистического литературоведения, основанного на филологии (если под этим будем понимать литературный текст в различных аспектах). Таким образом, и литературу, и «литературность», и – в конечном итоге – науку о литературе в качестве предмета исследования полностью заменила культура, т.е. культурология / культурная антропология со своими предметами исследования.

Итак, где и как в этих сумерках филологии «охотятся» сегодня слависты-литературоведы? И грозит ли это славистике упразднением?

На первый вопрос ответ дает научная практика славистов-компаративистов, результаты которой весьма показательны, как в методологическом, так и в содержательном отношении. Они уже почти два десятилетия демонстрируют способность заниматься, среди прочего, «изучением истории славян, их фольклора, искусства, философской, политической мысли, сагит и религий, историей церкви, политическим и общественным аспектом жизни славян».¹⁴

А грозит ли это славистике? По всей вероятности, не то что не грозит, а наоборот – помогает восстановить престиж. Во всех современных научных парадигмах и методологических схемах, не смотря ни на какие отрицательные (или кажущиеся нам сегодня отрицательными) процессы, место для литературоведческой

12 POSPÍŠIL, Ivo: *Meždunarodnaja slavistika: organizacija, komunikacija, struktura, metodologija*. Slavistika 18, 2014, s. 139.

13 Ср. Там же.

14 SUCHANEK, Lucjan: *Rossijevedenje i emigrantologija. Novyje formy issledovanij i didaktiki v pol'skoj slavistike*. Novaja rusistika (special'nyj nomer: Meždunarodnaja slavistika v prošlom i nastojaščem: problemy metodologii i krizis organizacii), 2012, s. 19.

славистики держится довольно прочно. Условие, при котором его удастся удержать – это, повторим уже много крат сказанное, установка на мульти-, а может быть вернее – трандисциплинарность, компаративизм и регионализм т.е. ареальность.¹⁵

Литература

- EIMERMACHER, Karl: *Slawistik und Kulturwissenschaft in Geschichte und Gegenwart. Konsequenzen für Lehre und Forschung*. In: Slawistik, Baltistik und Balkanologie in einem neuen Europa. Ed. Franz Görner. Berlin: Staatsbibliothek zu Berlin, Preußischer Kulturbesitz, 2000, s. 5–15.
- FRANZ, Norbert: *Philologie oder Kulturwissenschaft? Anmerkungen zu Matthias Freises Überlegungen*. Bulletin der Deutsche Slavistik 7, 2001, s. 34–37.
- FREISE, Matthias: *Philologie und/oder Kulturwissenschaft. Ein Beitrag zur Diskussion um die Zukunft der slawistischen Literaturwissenschaft*. Bulletin der Deutsche Slavistik 7, 2001, s. 30–33.
- ZIELIŃSKI, Bogusław: *Kryze a cesty k obnově současné slavistiky*. Novaja rusistika (special'nyj nomer: Meždunarodnaja slavistika v prošlom i nastojaščem: problemy metodologii i krizis organizacii), 2012, s. 65–70.
- BUNJAK, Petr: *Slavistika i izučenje literature*. Slavistika 14, 2010, s. 378–390.
- BUNJAK, Petr: *Krizis slavistiki i vozmožnyje puti jego preodolenija posredstvom meždunarodnyh naučnyh projektov: pamjatnaja zapiska*. Novaja rusistika (special'nyj nomer: Meždunarodnaja slavistika v prošlominastojaščem: problemy metodologii i krizis organizacii), 2012, s. 7–15.
- BUNJAK, Petr: *Slavistika i globalizacija – novyje metodologičeskie vyzovy: vstupitel'noje slovo k diskussii*. Slavistika 18, 2014, s. 105–112.
- VESELOVSKIJ, A. N.: *Iz vvedenija v istoričeskiju poëtiku*. In: VESELOVSKIJ, A. N.: *Istoričeskaja poëtika*. Ėd. V. M. Žirmunskij. Leningrad: Chudožestvennaja literatura, 1940, s. 53–72.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Areal / slavistika / komparativistika*. Slavistika 14, 2010, s. 217–225.
- POSPÍŠIL, Ivo: *Meždunarodnaja slavistika: organizacija, komunikacija, struktura, metodologija*. Slavistika 18, 2014, s. 127–148.
- SUCHANEK, Lucjan: *Rossijevedenje i èmigrantologija. Novyje formy issledovanij i didaktiki v pol'skoj slavistike*. Novaja rusistika (special'nyj nomer: Meždunarodnaja slavistika v prošlom i nastojaščem: problemy metodologii i krizis organizacii), 2012, s. 17–21.
- JAKOBSON, Roman O.: *Novejšaja ruskaja požizja*. In: JAKOBSON, Roman O.: *Raboty po poëtike*. Ėd. M. L. Gasparov. Moskva: Progress, 1987, s. 272–316.

Петр Буняк, д.ф.н., ординарный профессор

кафедра славистики филологического факультета Белградского университета

Студентски трг 3, 11000 Београд, Сербия

p.bunjak@fil.bg.ac.rs

15 См. POSPÍŠIL, Ivo: *Meždunarodnaja slavistika: organizacija, komunikacija, struktura, metodologija*. Slavistika 18, 2014, s. 127–148; BUNJAK, Petr: *Slavistika i globalizacija – novyje metodologičeskie vyzovy: vstupitel'noje slovo k diskussii*. Slavistika 18, 2014, s. 105–112.